

Легенды северного ветра

ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

ЗА ДЕВЯТОЕ НЕБО

ЕКАТЕРИНА МЕКАЧИМА

ЗА
ДЕВЯТОЕ
НЕБО

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М46

Иллюстрация на переплете и внутренние иллюстрации
Екатерины Мекачимы

Внутреннее оформление *Екатерины Тинмей*

Мекачима, Екатерина.

М46 За девятое небо / Екатерина Мекачима. — Москва : Эксмо, 2022. — 640 с. : ил.

ISBN 978-5-04-164418-5

Нить Судьбы запуталась.

Веслав отправляется на поиски пропавшей жены, а Кудеяр в его отсутствие провозглашает себя царём. Марья пытается спасти Лес, а Мирослава идёт за серебряной песней. Война на Юге полыхает огнём, княжества сдаются одно за другим, а с Севера дуют ветра смерти.

Сваргорулю потрясают битвы, на землю приходит голод и опускается Тьма. Судьбы героев сплетаются, границы между добром и злом становятся зыбкими, и пророчества сбываются.

Люди узнают, что тот, о ком теперь слагают страшные сказки, не погиб.

Но они не знают, что за Девятое Небо отправились те, кто готов вернуть Свету надежду, и что в решающий час одержит верх тот, кто победит свою Тьму.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164418-5

© Мекачима Е., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Она видела сны.

Среди бархатной тьмы высились скалы,
что терялись среди облаков. Вокруг скал бушевал океан,
и от его рокота содрогался мир. Волны чёрные,
с белой пеной, вздымались до небес,
и ветер Смерти летел к Свету...

Она видела, как отчалили корабли
и ледяные ветры наполнили их паруса.

Она чувствовала пронзающий душу ветер вечной печали —
его холод обжигал, будто огонь Юга.

Невыносимая боль утраты обратилась пламенем,
и она увидела, как на далёком Севере, где воды океана
сковало ледяное дыхание Неяви, был разрушен
Мёртвый Град. Осколки хрустальных теремов
парили над бездонным зевом Колодца.

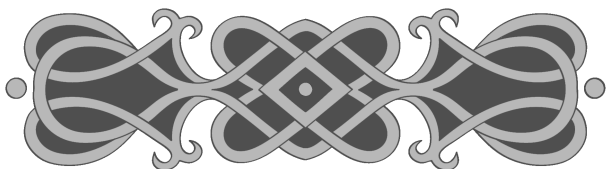
Во тьме Колодца, на той стороне, подле могучего
чёрного Дуба покоился гроб из хрусталя,
что хранили чёрные как ночь птицы.

В гробу она увидела себя, скованную цепями холода.

Её сон хранила Песнь — едва различимая,
но совсем настоящая. Внимая музыке,
она не слышала печального шёпота Ветра, что пытался
разбудить её, — она засыпала мёртвым сном,
и Тьма принимала её в свои объятия.

ЧАСТЫ
ТЬМА
СГУЩАЕТСЯ

ГЛАВА 1

Дочь Леса

Едва слышимая песнь затмила бытие серебряным сиянием, и когда свет померк, Марья увидела мир: благоухающий, окрашенный первыми красками осени лес. Солнечные лучи водопадами струились сквозь ещё густые кроны, лёгкий ветерок качал ветви, и деревья шептались. Звонко пели птицы — чудесное многоголосье разливалось по ароматному воздуху.

Марья закрыла глаза и вдохнула полной грудью: она чувствовала сладковатый запах подвявшей листвы, сырой земли, грибов, поздних осенних цветов, мха... Запахи наполняли её, они были живыми, как и она сама. Русалка медленно и глубоко дышала, внимая силе Света, что пронзала весь лес. И с каждым вдохом отступали тянущая печаль и сухая злость, одолевавшие избравших путь Неяви, с каждым вдохом дух Марьи всё больше пробуждался от тяжёлого сна, а тело наполнялось крепостью.

— Какая благодать! — прошептала Марья и открыла глаза. — Как же чудесен Свет!

Дрозд, щебеча, кружил вокруг русалки.

— Да-да, — кивнула ему Марья и посмотрела на свой тояг, бубенцы которого тихо качнулись. — Я помню, зачем я здесь. Не переживай, птица, я вернусь за Светозаром, как и обещала, — улыбнулась русалка и оглядела себя. Теперь её тело было настоящим, с сияющей кожей без ожогов; Марья осмотрела свои локоны, что нынче светились медью в солнечных лучах.

Дрозд прощептал вновь и опустился на тояг.

— Соглашусь, одеяние из хвои неуместно для Великого Вече, но другого у меня нет, поэтому отправляюсь так, — усмехнулась Марья и направилась по лесу. Деревья и кустарники с почтением убрали ветви перед дочерью Леса. Марья ступала неслышно, едва касаясь земли босыми ногами. — Тут недалеко есть маленькая полянка, с неё выйдем на заворожённую тропу и прибудем на Вече вовремя, — говорила Марья Дрозду, что, вспорхнув с тояга, полетел впереди.

10 Великая Поляна располагалась на границе Северной и Южной Тайги, там, где Белая река, не доходя до Русалочьего озера, превращалась в звонкий ручеёк и сливалась с лесом. Просторное поле, обнесённое древним частоколом, окружённое непроходимым бором, — только лесные народы — лешие, вилы да берегини — могли найти заветное место, скрытое ворожкой от посторонних глаз и служителей Мора.

Сердце Марьи забилося сильнее, когда впереди по обеим сторонам наворожённой тропы сквозь туман проступили мощные деревянные столбы врат, ведущих на Великую Поляну. Ставший серебряным Дрозд летел перед русалкой, освещая дорогу и тёмный непроходимый лес, терявшийся в звенящей тишине Царствия Индрика.

Перед вратами Марья остановилась: высокие брёвна покрывали древние руны и тускло светящийся мох; пространство между ними мерцало ажурным кружевом ворожки.

— Нам пора, дочь Леса. — Дрозд закружил вокруг Марьи. — Хорс вот-вот опустится в Нижний Мир, и начнётся Вече.

— Подожди, птица, — прошептала русалка и тяжело вздохнула, опершись на тояг. Дрозд опустился на посох Марьи. — Страшно мне вот так в Свет явиться. Чувствую теперь, будто вновь человеком стала. И страх, и боль, и обиду, и радость, и... — тут Марья запнулась, вспомнив о Светоза-

ре. От мысли о том, кем он теперь стал, сжималось даже её мёртвое сердце. И она была в том виновата — из-за неё погиб сварогин, в душе которого был настоящий свет. — Знаешь, птица, — вновь обратилась к Дрозду Марья, — когда ты живёшь во мраке, все чувства мертвы и всё видится иначе. Даже тлеющие угли собственного света — смотришь на них со стороны, а душа молчит. Вот что делает нас мёртвыми — бесчувствие. Чувства же — буря, и я не могу к ней привыкнуть.

— Привыкай, Марья, — пропел Дрозд, — но быстро. Времени у нас нет. Поступок Светозара не должен быть напрасным.

Русалка хмуро посмотрела на Дрозда.

— Я спасу его, птица, — ледяным тоном сказала она. — Я не смогу быть берегиней с таким камнем на сердце.

— Только сначала, как обещала, спаси Лес. — Дрозд указал крылом в сторону врат и вспорхнул. — Нам пора.

Марья кивнула, вздохнула и зашептала: теперь ей было ведомо Слово Леса, как его дочери. И, вторя шёпоту русалки, ворожба, хранившая древние врата, осыпалась мхом, открывая взору Великую Поляну.

Перед Марьей предстало огромное поле, освещённое жёлто-зелёными огнями; медно-алое небо заката покоилось в ажурной оправе далёкого леса. Марья замерла в нерешительности: Великая Поляна была оживлена — и лешие, и берегини, и вилы явились на Вече. Подле врат, в которых стояла русалка, тёк тоненький ручеёк — Белая река сливалась с лесом, Русалочье озеро осталось далеко в чаще.

Дрозд прошептал, и Марья, решившись, прошла между брёвен-врат. Как только русалка ступила на жухлую траву Великой Поляны, наворожённая тропа позади неё исчезла, а ближайšie к частоколу лешие обернулись и ахнули.

— Русалка?! — удивился маленький полевик, невольно пятясь назад. — Как так-то?

— Какая русалка? — отозвалось из толпы.

— К нам пожаловала нечисть! — рыкнул один из емаганов, грозно потрясая копьём.

Толпа волновалась, лешие рычали, берегини возмущались, а вилы тихо шептались.

Марья остановилась, крепче сжав тояг; Дрозд кружил над её головой.

— Как ты смеешь? — из толпы вышла берегиня. Сохатая наклонила голову набок и хмуρο посмотрела на русалку. — Неужели Тьма теперь и в Царствии Индрика обитает? И что тебе надобно, мёртвая?

— Я такая же мёртвая, как и ты, рогатая, — с вызовом ответила Марья, гордо вздёрнув подбородок. Берегиня ахнула; толпа за ней ещё больше оживилась. Несколько стоящих поодаль вил взмахнули прозрачными крыльями. — Если ты, дева Леса, обратишься к своему Духу, а не к гневу, то почувешь, что я — дочь Леса. — Марья кивнула на тояг.

Берегиня недоверчиво окинула взором русалочий посох, посмотрела на Дрозда, шагнула к Марье ближе и, шумно втянув носом воздух, закрыла глаза.

— Правду говоришь, — медленно протянула и вновь взглянула на хмурую русалку. — Какую душу Мору вместо себя отдала?

Дрозд, закружив над берегиней, сердито прощелбетал.

— Не отдавала я Топи душ, — прищурилась Марья, и берегиня отпрянула. — Светозар по своей воле меня вызволил, ради спасения Леса. Ведь грядёт война великая, вот ради чего Вече собралось.

— Неясное молвишь, — оцетинилась берегиня и зашептала, но Марья, стукнув тоягом оземь, прервала её ворожбу.

Сердце русалки захлестнула холодная обида: раньше люди её не принимали, а теперь и Лес, что она спасти должна, не жалуется!

— Отойди с дороги, сохатая, — сказала Марья и медленно пошла вперёд вдоль ручья. Берегиня, недоверчиво взирая на Марью, отступила. — Вы все расступитесь! — сдерживая гнев, повелела русалка лешим, и те, глухо переговариваясь, освобождали путь дева с лесным тоягом, бубенцы которого тихо и мягко перестукивали.

Марья, гордо подняв голову, медленно шла сквозь толпу, расступавшуюся перед ней, Дрозд летел следом; еловое одеяние Марьи тихо шелестело, по серебряной воде ручейка стелился серебристый туман. Холодные взгляды сторонивше-

гося нави лесного народа леденили душу русалки, обида по-
лыхала пламенем, но Марья, вспомнив о Светозаре, отогнала
безрадостные думы.

Лешие с рыком отошли, и взору Марьи предстало сердце
Великой Поляны: древние деревянные столбы окружали си-
девших на брёвнах старейшин леших, крылатых златовласых
вил и сохатых берегинь. Подле большого костра на деревян-
ных, покрытых мхом, грубых тронах расположились князья
леших, великие берегини и вилы. Ручеёк Белой реки уходил
в землю подле огня. Отсветы жёлто-зелёного пламени пляса-
ли на плащах и тоягах правителей лесных княжеств; шерсть
леших отражала свет, а рога берегинь, как и полупрозрачные
крылья вил, тихо мерцали. На спинках тронов позади леших
сидели птицы, как догадалась Марья — проводники.

Русалка невольно замедлила шаг: её взор упал на малень-
кого седого полевика, восседающего на троне, гораздо больше
его самого; на лешем была человеческая одежда: штаны, ону-
чи и лапти; на льняную рубаху, перехваченную алым поясом,
накинут зелёный плащ. Жёлтые глаза лешего смотрели на Ма-
рью пристально; на спинке его трона сидел белый филин.

Русалка с трудом отвела взгляд от полевика: она шла меж-
ду брёвен, на которых сидели старейшины, и со всех сторон
слышался холодный, будто ветер Неяви, шёпот:

- Навь... навь из Царствия Индрика пришла!
- Неужели Тьма наводнила и Небо Индрика?
- Чей у неё тояг?
- Кого она умертвила?
- Зачем явилась?

Марья, не дойдя до престолов, резко остановилась. Русал-
ка тяжело дышала, сдерживать гнев становилось всё труднее:
как же она отвыкла быть живой! Великий Индрик! Какое же
это мучение!

— Он погиб, спасая вас! — воскликнула Марья, не вы-
держав. На Великой Поляне воцарилась тишина. Даже жёлто-
зелёное пламя перестало трещать. Марья расправила плечи
и оглядела собравшихся. — Он не меня спасал, а вас! — по-
вторила русалка громко, и Дрозд, чирикнув, сел на тояг. —
Потому что только мы, русалки, сможем затушить стену ог-

ня, что погубит Лес зимой! Только кровью своей — мёртвой водой — мы сможем потушить огонь Хорохая!

— Какой огонь? — раздалось из толпы, окружавшей скамьи.

— Огонь зимой?! Морок решила наслать, нечистая, да? — гневно вопрошал ещё кто-то.

— Что случится с Лесом? — спросила сидевшая недалеко от Марьи вила. Русалка посмотрела на крылатую деву с золотыми волосами, облачённую в шёлковый плащ.

— Грядёт война, — сказали позади, и Марья обернулась: тот самый в человеческой одежде полевик, хмуро глядя на русалку, говорил: — Война всего Света. Ради этого я созвал Великое Вече, — слова лешего прокатились над Великой Поляной и сгустились тишиной. — Только твоей, русалка, крови не хватит, чтобы остановить грядущее, — добавил полевик печально.

— Моей — нет, — покачала головой Марья и медленно пошла к лешему. Дрозд вспорхнул с тояга и опустился на плечо русалке. Сидевшая рядом с полевиком берегиня внимательно смотрела на Марью. — Но если соберутся русалки со всей Тайги, с Северной и с Южной, мы одолеем огонь Юга.

14

Леший усмехнулся.

— И кто их соберёт? Тебе одной такое не по силам.

— Ты, княже, и Светозару так сказал, верно? — прищурилась Марья, и взгляд лешего налился темнотой. — Ты — князь Дреф, так? — спросила она, остановившись напротив князя Йолка.

Полевик кивнул.

— Ты ошибся, княже, — гордо проговорила Марья, и её окружил шёпот собравшихся на Вече, но русалка не вняла ему. — У Светозара получилось.

— Я вижу, — сухо сказал Дреф.

— И у меня получится, — уверенно ответила русалка, и Дрозд на её плече согласно пропел. — Я спасу Лес, а затем вернусь в услужение к Топи, как и обещала Светозару. — Марья поклонилась Дрефу и отступила назад. — Ибо только так я смогу искупить вину за то, что сама себя погубила.

Дреф продолжал хмуро смотреть на Марию; по Великой Поляне летал встревоженный шёпот.

— Что же стало со Светозаром? — прошептал кто-то, и Мария обернулась: на ближайшем бревне сидела высокая рыжая гаркунка и печально смотрела на русалку. На тояге гаркунки сложила крылья Свиристель.

Рядом с лешей расположились высокий юный белый ел-маган, птицей-проводником которого был Воробьиный Сыч; гаркун с помощником-Кедровкой; маленький светло-бурый полевик, на навершии тояга которого чистил пёрышки красноватый Щур, и взрослый бурый бородатый гаркун — лешие внимательно смотрели на Марию, как и остальные собравшиеся на Вече.

— Светозар в плену у Топи вместо меня, — ответила Мария, и гаркунка прикрыла ладонью рот. Взволнованный шёпот стал громче. — Сын Леса спас меня ради вас. Светозар всей душой любит Лес, любит каждого из вас, — русалка обвела взглядом леших, вил и берегинь. — Я прежде не встречала сварогины, в душе которого было бы столько света. Даже зная, что вы отвернётесь от него, он пожертвовал собой ради вас. — Мария вновь обернулась к Дрефу.

— Я знаю, — ответил князь Йолка. — Но я не мог благословить Светозара на поступок, который угрожал погубить весь Свет.

— Поэтому я не спрашиваю твоего благословения, княже, — ответила Мария, и Дреф нахмурился. — Хотя я теперь и дочь Леса, но, как русалка, свободна. Я пришла на Вече, чтобы сказать вам о том, что я соберу русалок и мы потушим огонь. — Мария легонько поклонилась Дрефу.

Взволнованный шёпот превратился в смятение: дети Леса тревожно переговаривались. Мария чувствовала холод, витавший над Великой Поляной: многие ей не верили, считая её речи обманом. Дрозд взлетел с плеча русалки и закружил над нею.

— Ты полагаешь, будто сможешь справиться сама? — мягко удивилась сохатая берегиня, сидевшая рядом с Дрефом, и русалка на неё посмотрела. — Какими бы благими твои намерения ни были, — берегиня положила на серд-

